

Инструкторы наконец подросли к месту событий. Инструктор Лю с выражением смеси изумления и глубокой озадаченности окинул взглядом двоих, лежавших на земле. Похоже, он никак не ожидал, что одним из них окажется Цзун Чихуай.

— Се Жун, зачинщики драк без причины отправляются в карцер, — голос инструктора звучал напряженно.

Се Жун вытер кровь с уголка губ:

— Первым начал не я.

Он поднялся, выпрямившись:

— Инструктор, если я не ошибаюсь, в карцер должен отправиться тот, кто первым распустил руки. Я всего лишь не удержал компрессионный пакет, и он упал прямо перед Цзун Чихуаем, а тот сразу полез в драку. Ответственность за это лежит явно не на мне.

Ситуация вышла неловкая. Все курсанты, находившиеся рядом, видели, что произошло, и зачинщиком действительно был Цзун Чихуай.

Инструктор Лю про себя отметил: Ну и колючий же тип.

Он нахмурился и отчеканил:

— Цзун Чихуай, после окончания сегодняшних тренировок отправишься в карцер.

Бегло осмотрев раны обоих, инструктор добавил с головной болью:

— А вы двое — марш в медпункт, приведите себя в порядок. Если по дороге снова начнете драться, в карцер отправятся оба!

Се Жун, не говоря ни слова, первым направился в сторону медпункта. Весь строй курсантов провожал его взглядами, полными немого восхищения: вот это мощь.

Добравшись до укромного места, Се Жун вколол себе подавитель, чтобы сбить начинающийся жар периода течки.

— Жун-Жун, тебе больно? — 606 с тревогой запрыгал в его сознании, глядя, как пострадало прекрасное лицо хозяина.

Однако, присмотревшись, 606 сменило гнев на милость. Оно разглядывало ссадины на лице Се Жуна, его холодный взгляд, изысканные черты, в которых сейчас сквозила опасная ярость. Система необъяснимым образом пришла в восторг. Не зная, что такое боевые повреждения, 606 просто радостно подпрыгнуло пару раз и, воспользовавшись встроенной камерой, сделало

снимок Се Жуна.

В голове раздался щелчок затвора. Се Жун нахмурился:

— Что ты делаешь?

Его брови были слегка сведены к переносице, вид был довольно свирепым. 606 притихло:

— Жун-Жун... я... я сделал твоё фото. Хочешь посмотреть?

Се Жун не понимал внезапных порывов системы, но запрещать не стал:

— Не сейчас. Делай что хочешь, я иду в медпункт.

606 мгновенно повеселело: ну конечно, Жун-Жун совсем не злой!

Из-за задержки с подавителем Се Жун пришел в медпункт, когда там уже был Цзун Чихуай. Как только их взгляды встретились, оба тут же отвели глаза.

Школьный врач принес йод и бинты:

— Кто тяжелее ранен, тот и первый.

После этих слов оба замерли, никто не хотел признавать себя пострадавшим сильнее. Врач был бетой, и его ужасно раздражало, что альфы каждый раз приходят в медпункт с таким видом, будто их оскорбили до глубины души. Подумаешь, лечение! Врач не собирался потакать их проклятой гордости.

Он с раздражением оставил принадлежности на столе:

— Раз вы оба считаете, что раны пустяковые, справляйтесь сами. Сначала продезинфицируйте йодом, потом перебинтуйтесь. Я пойду получу новую партию материалов. Если появятся другие пострадавшие, подождите, я вернусь и займусь ими. Есть вопросы?

Не дождавшись от обоих альф ни слова, бета-врач привычно удалился. В Имперской военной академии ему даже не приходилось пачкать руки: самолюбивые альфы предпочитали врачевать себя сами.

Как только врач ушел, в медпункте остались только двое заклятых врагов, только что закончивших потасовку. Находиться в одной комнате с противником, не обмениваясь ни словом, ни взглядом, было невыносимо неловко.

Цзун Чихуай чувствовал именно это. Он не удержался и бросил взгляд на Се Жуна, но тот, казалось, вовсе не обращал на него внимания и спокойно обрабатывал свои раны, словно Цзун

Чихуая и не существовало.

Недавняя драка заставила Цзун Чихуая пересмотреть свои взгляды на этого парня. Да, физически он слаб, но в нем есть такой стержень, который вызывает невольное уважение. С одной стороны, он едва тянет на роль достойного соперника, а с другой — Цзун Чихуаю было ужасно стыдно. Проиграть в схватке с С-ранговым альфой тому, кто едва может поднять десяти килограммовый рюкзак — это позор.

Ему не терпелось узнать, что это была за атака духовной силой. Если он правильно помнил, только обладатели мощной духовной энергии могли использовать ее как оружие. Духовная сила была куда более редким даром, чем физические показатели, и такие кадры были на вес золота.

Глядя на красивое, полное ярости лицо Се Жуна и еще не зажившую рану в уголке губ, Цзун Чихуай почувствовал, как заныли зубы: ему нестерпимо захотелось укунить его за это место. Неизвестно, было ли это его воображением, но когда капля крови попала ему на губы во время драки, он уловил слабый аромат омежьих феромонов. Что-то вроде белой магнолии, прмелькнувшее и тут же исчезнувшее.

Цзун Чихуай списал это на галлюцинацию, но, глядя на профиль Се Жуна, он почувствовал странное возбуждение. Лизнув скрытые клыки, он проговорил слегка хриплым голосом:

— Эй, Се Жун, не знал, что ты такой умелый. Часто приходится получать по лицу?

С первой же фразы стало ясно, что он напрашивается на неприятности. Се Жун пропустил его слова мимо ушей, продолжая прижигать рану йодом. Игнорирование со стороны Се Жуна вызвало у Цзун Чихуая досаду:

— Ты оглох, что ли?

— ...

— Черт, думаешь, я горю желанием с тобой разговаривать?

— ...

— Се Жун, я что, тебе уши отбил?

Цзун Чихуай, не дождавшись ответа, всерьез задумался о том, не повредил ли он слух противника своими ударами.

Се Жун наконец не выдержал:

— Надо было тогда разбить тебе рот в кровь.

Не умеешь разговаривать — молчи.

Цзун Чихуай должен был разозлиться, но вместо этого почувствовал прилив возбуждения. Несмотря на то что щеки горели от пощечин, он больше не чувствовал себя униженным.

— Се Жун, ты довольно неплох.

Молодой господин Цзун высокомерно бросил эту фразу — он уже мысленно поставил Се Жуна на один уровень с собой. Среди сверстников, способных нанести ему урон, Се Жун был первым.

Ответ Се Жуна был не менее гордым:

— Ты ошибся. Я не просто неплох.

Такой ответ пришелся Цзун Чихуаю по вкусу, и он не удержался:

— Давай объявим перемирие? Ты вполне достоин быть моим другом. Как ты тренируешь свою духовную силу? Давай объединимся и разнесем всю Имперскую военную академию!

Се Жун усмехнулся:

— Побежденный, ты даже не достоин стоять рядом со мной.

Он окинул ошарашенного Цзун Чихуая насмешливым взглядом:

— Даже если я не могу поднять тридцатикилограммовый рюкзак, ты все равно проиграл. И зачем мне ты, если я могу разнести эту академию в одиночку?

Какая дерзость! Даже сам Цзун Чихуай не осмелился бы заявить, что в одиночку справится со всей академией. Он с изумлением смотрел на своего врага, который, казалось, ничуть не сомневался в собственных словах.

Цзун Чихуай фыркнул, но вдруг подошел и, к удивлению Се Жуна, выхватил у него флакон с йодом.

— Чего уставился? Не твое же личное, мне нельзя воспользоваться?

Се Жун ответил:

— Делай что хочешь...

Цзун Чихуай наспех намазал йод себе, а затем увидел, что Се Жун пытается забинтовать руку. Видимо, делал он это впервые: движения были неуклюжими, и бинт запутался. Цзун Чихуай просиял, тут же выхватил бинт из его рук:

— Ну ты и неумеха, даже этого не можешь. Дай сюда.

<http://bllate.org/book/20543/2051004>